

Бессмертный король

Магомед Абдулкаримович

Бессмертный король

*Чем плох король бессмертный, если безупречен?
Плох он хотя бы тем, что вечен.*

I

Видимо, сам дьявол толкнул меня в тот роковой день на поступок, изменивший всю мою жизнь. А может, это просто судьба. А может, второе вовсе не противоречит первому. Но, однако, обо всем по порядку...

Я жил в эпоху Бессмертного короля, как его называли в народе. Многие всерьез считали его бессмертным, как, впрочем, считали таковым и его брата, который в один прекрасный день взял да и умер, разрушив все их мистические предположения. Многие говорили, что именно наш нынешний король способствовал его смерти, но доказательств тому не было. Как бы там ни было, после смерти старшего брата к короне пришел младший. Бессмертным его называли не только из-за бесчисленного количества предательств и покушений, из которых он всегда выходил без единого увечья, но и в силу количества лет, в течение которых он находился у власти. К моменту, как началась история, изменившая всю мою жизнь, шел сорок первый год его правления.

Бессмертный король был добрым и справедливым правителем. Настолько добрым, что порой даже падал в обморок при виде крови и не желал ничего даже слышать о битвах, которые неизбежны были в то время. Все военные дела он поручал своим помощникам, сам же наслаждался чтением книг, путешествиями по собственным владениям и общением с людьми, наиболее интересным из которых для него была личность, о которой мы поговорим чуть позже. Некоторые называли нашего короля ангелом, другие смеялись над их подобострастием и ядовито говорили: «Если ангел, то только падший». Говорили они это тихо и в узких кругах, потому что была одна причина, по которой этого доброго, простодушного человека боялись порой больше, чем Судного дня. В его характере наблюдалась одна черта, которая, впрочем, не тревожила никого из наших жителей большую часть времени.

Но один день в году на наш относительно тихий и благопристойный город проливался кровавый дождь, от которого никто не мог скрыться. В этот день король по какой-то невероятной мистической причине становился безумен и жесток. С момента, как сумерки опускались на

город, он не щадил никого. Он созывал всех, кого только возможно, в огромный зал, где закатывал дивный пир. Всем приказывалось есть, пить и веселиться. Многие гости, зная, что эта ночь может оказаться последней в их жизни, старались съесть все, что только попадалось под руку, словно в этом и был смысл жизни. Другие сидели тихо и безмолвно, и ни один кусок не лез им в горло, третьи судорожно молились. В общем, люди делились на разные группы, но все эти группы в конце пира ждал один исход – либо они станут жертвами этой inferнальной переменчивости короля, либо будут наблюдать, как кто-то из их близких ею станет. В середине пира, никто не знал, в какое время, музыка неожиданно обрывалась, стража убирала столы, а гости становились в ряд. Безмолвную тишину прерывал голос короля, называвшего имена тех, кого он считал должными умереть.

В такую ночь в зале нашлось бы много людей, верящих в Бога, или хотя бы надеявшихся на Его существование. Но намного больше было тех, кто верил в дьявола. Невозможно было не верить, вот он, стоит перед ними. Бессмертный король превращался из милого, приятного человека в сущее зло, глухого к мольбам о пощаде. Человек, который в другие дни боялся вида крови, упивался ее в ту ночь. Он мог вызвать молодоженов и заставлять жениха убивать свою невесту, а если тот отказывался, то подвергал их двоих таким мучениям, что и жених ненавидел себя за то, что не убил свою любимую сразу, и она сама ненавидела его за то, что он этого не сделал. Он любил разрывать мать с ее ребенком и брата с братом. Он любил наблюдать за тем, как любовь прерывается на его глазах, говоря при этом: «Кто сказал, что смерть не властна над любовью? Я покажу вам власть, на которую способна смерть и покажу изысканные пути, ведущие к ней».

Я не буду вдаваться во все подробности хитроумности и невероятной жестокости, с которой он воплощал свои слова в действия. Отмечу лишь, что на следующий день после таких ночей король наш освобождался от оков зла и безмерно страдал о погубленных им накануне судьбах. В это трудно поверить, но для нас это трудностей не составляло. Ведь мы видели слезы, ручьем скатывавшиеся по его страдальческому и изувеченному горем лицу. Он кричал: «Нет на мне вины, во всем виновато Зло, и только в

служении Богу наше спасение!» Затем он крестился и ночи, недели проводил в бреду и болезни, не выходя из покоев, рыдая над погибшими и одаривая золотом и богатством тех, у кого забрал до этого самое дорогое. «Знаю, что не верну этим вам ваших близких, – говорил он в личном разговоре с ними, – но это все, чем могу я искупить пред вами свою вину. Богатство и мое раскаяние в собственной слабости перед злом, коварно окутывающим меня раз в году – вот все, чем могу я вытереть слезы утраты на ваших скорбных лицах».

Стоит ли говорить о том, что многие его ненавидели? Отсюда и огромное количество покушений на его невероятно длинную жизнь. Спасался он всегда по разным причинам, и говорят, после того, как выходил из воды сухим, всегда плакал, как испуганный растерянный ребенок, который не понимал, за что его хотели в нее окунуть.

Однажды в окружении короля появилась личность, доселе двору неизвестная. Король сделал его своим шутком, но никому не говорил о том, откуда вообще этот шут появился. Имя его было Сильвио. Все, кто знал покойного брата короля, поражались удивительному сходству шута с покойником. Но вот какое дело – брат короля был красив и высокого роста, а этот был карликом. Ну, или почти карликом, мне трудно дать точное определение, но рост его был очень невысоким, а сам он был настолько страшен и непропорционален, что даже смотреть было жутко. Однако во взгляде его проглядывалась поразительная глубина. Со временем приближенные короля стали отмечать, что этот странный малый, пожалуй, единственный человек, который мог оказывать на него влияние, и кого король даже боялся.

Поэтому с момента появления этого загадочного уродца в нашем городе всех волновал только один вопрос – что с ним будет в кровавую ночь? Ведь он нередко позволял себе не слушаться короля, язвительно отвечать ему и даже дерзко шутить. В такие моменты некоторые со страхом переглядывались друг меж другом, а кто-то не мог удержаться смешков. Король, конечно, запомнил тех, кто смеялся, и в очередную дьявольскую ночь сурово наказал их за их несдержанность. Подробности этого опять же опустим. Несмотря на всю мрачность истории, которую я рассказываю, сам я вырос в семье, где всегда отвергали насилие, поэтому даже рассказ о

нем вводит меня в состояние очень для меня неприятное. Тем не менее, движимый желанием зафиксировать свои мысли в истории, потому что вряд ли еще кто-то посмеет об этом рассказать, я продолжу...

В первую кровавую ночь с момента появления загадочного маленького страшила король жестоко расправился с теми, кто поддерживал Сильвио в его шутках. Далее все, конечно, ожидали, что теперь король казнит и его. Но правитель удивил всех, произнеся речь, после которой все окончательно убедились в его помешательстве:

– Сильвио никто не тронет. Я бы, конечно, бросил это существо в огонь и с удовольствием посмотрел бы на то, как пламя жарит его маленькие уродливые конечности. Но я знаю, что в этом не будет смысла. Смерть, которую я ранее считал всемогущей, таковой все же не оказалась! Дамы и господа, я хочу представить вам моего покойного брата! Посмотрите, как смерть, или вернее то, что следует за ней, посмеялось над ним и надо мной. Душа моего брата была так ужасна, что преисподняя вернула ее назад, но перед этим заключила ее в новое тело, безобразное и ужасное, которое, конечно, больше соответствует содержимому! Какой смысл мне бросать его в огонь? Чтобы он вновь вернулся ко мне спустя много лет в еще более пугающем обличье?! Нет уж, я не дам тебе смеяться надо мной, изверг! Ты будешь моим шутком до конца своих дней! Смейся и шути надо мной, сколько пожелаешь, я заранее все тебе прощаю.

После этого король лично лишил голов несколько десятков человек. Та ночь, на которой впервые присутствовал Сильвио, стала самой кровавой из всех предыдущих. А на следующий день повторилось то, что происходило обычно – король плакал и купал родственников погибших в роскоши и деньгах, сам пребывая в беспамятстве несколько недель.

Помню, как в ту ночь чувство ненависти к шуту зародилось в моей душе. Я возненавидел его за чрезмерную кровавость ночи, которая была связана с его появлением. Я ненавидел его за его неприкосновенность, а также за его равнодушный взгляд в те моменты, когда людей лишали жизни. Вот так в моем списке ненависти к Бессмертному королю прибавился и Сильвио. Я тогда не знал, что главная причина, по которой я буду питать к нему злобу, была еще впереди.

II

В году наступало время, когда люди в нашем городе, несмотря на все зло, которое приходилось им переживать в кровавую ночь, потихоньку забывали о произошедшем, все меньше и меньше страдая по тем, кого потеряли. Для одних утешением становилось богатство, полученное от короля, для других – работа, для третьих – религия. Вообще, для многих, которые совершенно не страдали по погибшим от рук короля родным, религия становилась хорошим щитом от упреков в черствости и равнодушии. И вот в один из дней такого успокоившегося времени я как раз узнал новость, которая задела все струны моей души. Не так давно приехавшая к нам Аннабель, необыкновенная загадочная девушка, в которую я был влюблен уже несколько месяцев, оказалась втайне обручена с этим подлецом Сильвио!

Какое-то время я не мог поверить этому. Мешало верить этому не только мое разбитое сердце, но и разум. «Помилуйте, господа, где же тут логика?! Такая красавица влюбляется в некое подобие человека!» Крики мои эти были, впрочем, обращены куда-то в пустоту, потому что мое положение в обществе было довольно высоким, чтобы я позволял перед кем-то вслух задавать подобные риторические вопросы личного характера.

Но вскоре мне пришлось лично убедиться в том, чему я отказывался верить. Я увидел, как этот коротконогий безумец танцует какой-то дьявольский танец с моей возлюбленной. В этом танце отражалось все: любовь, невероятная преданность друг другу, страсть и все остальное. Меня поразило, какими глазами она смотрела на него. Я был уязвлен еще и тем, что дама из высшего общества опустила до столь принижающего ее достоинства танца посередине улицы. А в конце этого импровизированного представления он, зная, уж я уверен, мое отношение к ней, нежно поцеловал ей ручку и ядовито мне улыбнулся. И вот тогда-то я и совершил поступок, сожалением о котором начал свой рассказ. Будучи не в силах более терпеть то, что я видел, я вскричал мерзавцу в гневе:

– На мечях! Сейчас же! Здесь же!

«Дуэль лучшего дуэлянта города с карликом? На это интересно будет посмотреть», – услышал я из толпы и тут же пожалел о своей несдержанности. Все знали, как хорош я в битве на мечях, а тот факт, что в соперники я вызвал жалкого шута с ростом не больше, чем у подрастающего мальчика, конечно, не делал мне чести в лице окружающих. Те, кто имел право себе это позволить в силу своего статуса, стали отговаривать меня: «Помилуйте, это невозможно! Вам надо взять себя в руки. Посмотрите на него! Он и меч-то поднять не сможет. Стоит ли марать свою репутацию битвой с человеком, обиженным жизнью?» Я уже собирался взять свои слова назад, как вдруг мой враг, бережно отстранив Аннабель, ответил решительно:

– Господа, жизнью я не обижен, а награжден. Меч же мой всегда при мне и поднять его мне не составит никакого труда.

После этого он вытащил свой небольшой изогнутый кинжал и обратился ко мне голосом какого-то бесстрашного рыцаря:

– Я уважаю вас и не хотел бы лишать двора столь достойного его представителя, но раз уж вы сами этого хотите, то я не вправе вам отказать.

Тут я совсем потерял самообладание, и, оттолкнув всех, кто еще пытался меня удержать, скинул мантию и вытащил свой меч, еще никогда не знавший поражений. Выйдя во двор посередине рынка, на котором часто происходили спонтанно возникшие бои, мы стали друг напротив друга, окруженные толпой любопытных лиц. Зная расположение короля (если это можно так назвать) к этому убогому созданию, да и вообще из чувства собственного достоинства, я, конечно, не собирался лишать его жизни. В планах было лишь немного унижить его в глазах Аннабель, показав ему его место.

Но каково же было мое удивление, когда этот неуклюжий уродец буквально первым своим ударом нанес мне ранение, которое вдвое уменьшило мои шансы на положительный исход битвы. Рана не была опасной для жизни, но она сковывала многие движения, поэтому большинство приемов я оказался уже не в силах выполнять. Вздых удивления и восторга прокатился по толпе. Я был удивлен не меньше их, только восторжен не был! Он мастерски уклонялся от всех моих ударов,

умело используя свой рост и орудуя своим небольшим кинжалом так, что кто-то вполне справедливо назвал бы это шедевром боевого искусства. На каждый мой удар он наносил разящие контратаки, от которых я уклонялся всякий раз все с большим усилием. Битва, которая изначально была запланирована мной, как злобная шутка, превратилось для меня в позорную трагедию. Вот он наносит удар снизу, потом еще один сбоку, обманный слева, отходит, потом опять бьет! «Я не в силах более это терпеть! Сейчас он поймает меня и всадит клинок в сердце!» – как только я озвучил эту мысль в своей голове, я оказался на земле, а оружие мое было выбито из рук.

Медленными шагами победитель подошел ко мне. Я был вымотан, но раны не были смертельными. Стояла гробовая тишина. Публика была потрясена. Тот, кто считался до сего момента одним из лучших (и только скромность не позволяет мне сказать большего) был повержен шутком! Но дело было не в его должности. История знает много шутов, которые были хорошими дуэлянтами. Но шут-карлик? Этот уродец, который и ходил-то с трудом?! История нашего города не помнит такого дуэлянта. Я приготовился умереть достойно и не показать на лице своем ужаса перед смертью, заполнившего в тот момент все мое сознание.

Он встал рядом и занес надо мной клинок, после чего застыл, словно гладиатор, ожидающий, чтобы толпа подсказала ему решение. Но мне кажется, что он уже тогда знал, что сохранит мне жизнь. Он посмотрел в ту сторону, где стояла *она*, и по ее взгляду понял, что она хочет, чтобы он пощадил меня. Это была достойная девушка, она жалела меня и ценила за чувство, испытываемое мною к ней. У нее было доброе сердце, просто она полюбила его, а не меня. И теперь, встретившись с ним в бою, я даже стал понимать ее выбор. Многого можно узнать о человеке по тому, как он ведет бой. А он вел его честно и достойно. Сильвио уже опускал оружие, как вдруг в толпе неожиданно раздался до боли знакомый всем голос.

– Убей его! – крикнул король. Голос его был веселым и не злым, до кровавой ночи было еще далеко.

– Ты ведь должен убить его, Сильвио. Таковы законы игры. Подожди, я закрою глаза. А как открою, он должен быть убит, – после этого он, словно

малое дитя, закрыл своими ручками лицо и начал дергаться в нетерпении, безумно хихикая.

– Ну? Все? Я могу открывать? – спрашивал он.

Сильвио некоторое время стоял в недоумении. Казалось, он, заметя странные изменения в поведении короля, был в некоторой растерянности. Он будто принимал какое-то решение и поочередно смотрел то на короля, закрывшегося руками, то на свою возлюбленную. Но от приказа короля в ее выражении ничего не изменилось. Она словно еще больше требовала того, чтоб он пощадил меня.

Вдруг Сильвио с гневом бросил кинжал и сказал королю:

– Делай что хочешь.

Сказав это, он взял свою возлюбленную за руку и ушел. Толпа ахнула, и все разом устремили свой любопытный взгляд на короля. Он же убрал руки с лица, на котором продолжала сохраняться улыбка. Немного постояв и посмотрев вслед уходящей паре, он сделал странный жест, окрестив их, словно благословляя, после чего удалился. Интерес к битве был перебит вниманием толпы к необычному поведению короля. Никогда еще он не требовал убить кого-то, кроме как в кровавую ночь. Случившиеся перемены не могли не встревожить меня.

Позже до меня стали доходить слухи о возможных причинах такой перемены. Говорили, что кто-то из советников короля наконец окончательно и бесповоротно убедил его в том, что Сильвио – это просто Сильвио, странный шут из ниоткуда, но никак не его покойный брат, перерожденный в другом теле. Новость так его поразила, что он почему-то плакал от горя несколько дней, после чего, казалось, успокоился, да, видно, не совсем.

После произошедшего инцидента все ждали чего-то ужасного. Но, как это часто бывает, когда его ожидаешь, горе, словно отставив свое право быть неожиданным гостем, не приходит. Ничего не произошло. Чуть позже король пояснил мне и окружающим, что просил убить меня в шутку и был уверен, что Сильвио эту шутку поймет. Через несколько дней после этого он освободил его от должности шута, дал ему огромное количество

денег на предстоящую свадьбу с его возлюбленной и просил простить за свои глупые предположения о схожести его с покойным братом. Была надежда на то, что король выздоровеет, зло лишится своих чар, а добро и благоразумие, присущие нашему королю во все дни, кроме одного, распространятся и на этот роковой день.

Но до него было еще далеко, и надо было просто жить. После того случая я был еще больше влюблен в Аннабель, достойнейшую представительницу своего пола, хоть и знал, что она окончательно и бесповоротно влюблена в моего соперника. Но Сильвио, надо сказать, освободившись от чар короля, сам стал другим, и мы с ним даже сдружились. Ее он, конечно, обожал, но при наших совместных встречах, уважая мои чувства, старался не демонстрировать этого слишком явно. Оказалось, что он был просто невероятно умен и начитан. Я и Аннабель, которые считали себя людьми очень образованными, были словно малые дети, стоящие у подножия огромной горы книг, на вершине которой гордо стоял он, благосклонно смотря на нас сверху. Со временем мы стали с ним очень близки.

Иногда он вел себя странно и мог исчезать на несколько дней, не объясняя потом, где пропадал. Аннабель не могла скрыть своего беспокойства по этому поводу, но в ней не было недоверия к нему, их любовь была лишена этих недостатков. До меня порой доходили странные слухи о том, что иногда его видели в таких злчных местах, о которых и говорить стыдно, но я не слишком этому верил. «И даже если это так, – думал я, – в конце концов, это лишь его дело».

Вплотную подхожу я в своем письме к очередной кровавой ночи, которая запомнилась мне более остальных. Ночь тогда, казалось, была темнее обычного. Еда была вкусна, как никогда. Музыка была прекрасной, но отдавала какой-то чертовщиной. Это может показаться странным, но мне казалось (я был чуть ли не убежден в этом), что музыка, звучащая в ту ночь, сопровождала каждое движение Сильвио и словно зависела от его поведения, меняя тональность в зависимости от каждой новой эмоции, отражавшейся на его загадочном лице. Аннабель была нездорова по причине, которую стеснялась мне говорить, но при упоминании о которой ее возлюбленный супруг тепло улыбался, смотря на нее.

Что-то должно было произойти, и не нужно было быть гением, чтоб предчувствовать это. Где-то в глубине души я подозревал, что король захочет все же на это раз наказать своего бывшего шута за то, что тот тогда сохранил мне жизнь, послушавшись его. Но вместе с тем не угасала и надежда на то, что безумство короля, наступающее раз в год в одну и ту же ночь, все же останется в прошлом. Музыка все не заканчивалась, а вино продолжало литься. Еще немного, – и тьма бы сменилась спасительным утром. У людей, присутствовавших в зале, тоже появилась надежда, однако, как только она укрепилась в их сердцах, и все с радостным чувством стали верить в то, что зло повержено, музыка все же прекратилась...

III

Многим знакомо изречение «Самый темный час – перед рассветом». «Это так, – думал я в ту минуту, – но не каждому суждено выжить после этого темного часа. Не каждому суждено выбраться из ада, который создают порой для нас власть имущие. И мы, простой народ, не можем даже надеяться на то, что и их постигнет кара справедливости, потому что они сами решают, что есть справедливость». По крайней мере, так было в мои времена, и я надеюсь, что ты, читатель, до которого каким-то чудом письмо мое дойдет сквозь время, будешь жить в ином мире, не знающим таких правителей, как наш. И будь я проклят, если не допускал в ту ночь с горечью, что король наш может жить вечно, а значит, мир наш никогда не станет лучше. Разве, быть может, лишь тогда, когда будет стерт с лица земли настоящим Правителем, Властителем всех миров и вселенных, в которого я верил больше прежнего в ту минуту, когда музыка прекратилась.

Но прервал ее не король, а душераздирающий крик Аннабель, которая завопила от ужаса, когда на нее набросился Сильвио.

– Изменница! – кричал он, словно обезумев, и душил ее своими могучими руками. Я успел увидеть панический страх в ее глазах перед тем, как они стали медленно закрываться. Еще немного и она была бы мертва. Существо, без сомнения полностью потерявшее по какой-то непонятной причине рассудок, жаждало ее крови. Держа одной рукой ее горло, тем самым немного ослабив свою смертельную хватку, другой Сильвио достал

свой клинок и занес над ней. Еще мгновение, и она была бы убита тем, кого любит, но ее спас тот, кто любит ее! Да, слова эти звучат высокопарно, но как еще мне передать читателю то чувство гордости, которое я испытываю от того, что спас ее? Спас от неминуемой гибели, схватив руку маленького безумца и с большим трудом удержав ее. К счастью, подоспевшая стража помогла мне.

– Ведите его сюда! – вскричал король, хохоча, – совсем сошел с ума, сатана. Унесите бедняжку прочь, она довольно настрадалась на сегодня.

Аннабель, которая была без чувств, унесли. И не было в тот миг человека счастливее меня. «Спасена, – подумал я, – хоть один человек уйдет сегодня отсюда живым. Самый близкий мне человек. Спасибо, Господи! Ты услышал мои молитвы!» Теперь уж я ничего не боялся. Я даже с трудом сдерживал улыбку. Если вдруг королю вздумается по какой-то причине убить сегодня и меня, то чем он напугает меня? Огнем? Смертью? Ни то, ни другое моей души не уничтожит! Огонь и смерть, конечно, измучают мое молодое и еще полное сил тело изрядно, но они же станут моим очищением от грехов. К тому же, кроме надежды на то, что я все же останусь жив, меня грела мысль о том, что перед своей гибелью я уж позабавлюсь смертью Сильвио, которому вдруг вздумалось заподозрить в измене поистине святую женщину! С чего ему вдруг взбрело это в голову? И не ко мне ли он ее приревновал? Но почему сейчас, в эту ночь? На эти вопросы у меня не было ответа.

Карлика поставили перед королем. Сильвио смотрел ему в глаза без тени страха.

– Что ж ты творишь, уродец? – спросил король, не переставая смеяться. Казалось, он был рад произошедшему.

– Я ведь знал, что ты – не *он*, не мой братец. Меня уж в этом убедили. А сие действие – очередное этому доказательство. Никогда бы мой покойный брат не поднял руки на женщину, будь та хоть трижды ему неверна. Нет, он был слишком благороден для этого. А ты, ишь какой, не просто поднял, а чуть было не прибил бедняжку!

Тут он стал искать кого-то в волнующейся толпе.

– Ты! – крикнул он вдруг, бросив на меня взгляд, – подойди ко мне.

Я обомлел от ужаса. С трудом сдерживая себя на ногах, я побрел к нему. Еще недавно бурлящая во мне романтическая рыцарская смелость вдруг куда-то улетучилась. Странно писать об этом, но правда в том, что в тот момент больше, чем смерти, я боялся голоса и взгляда короля. Что-то потустороннее было в этом человеке, и воспоминания о том моменте до сих пор наводят на меня страх.

– Вот тебе меч. Убей карлика, или я заставлю тебя привести мне вашу общую возлюбленную, и, как выяснилось, – тут он с усмешкой взглянул на Сильвио, – общую любовницу... Я заставлю тебя убить ее. Но перед этим моя стража проделает с ней и с тобой такое, что даже демоны в аду подивятся моей изобретательности и жестокости, и отшатнутся, порадовавшись, что далеко от меня!

Для меня все было решено в ту же минуту. С одной стороны был потерявший рассудок ревнивый урод, с другой – воплощение красоты и чистоты, девушка, которую я любил всем сердцем. Что тут было думать? «Прощай, Сильвио», – подумал я, не испытав при этом и малейшей грусти. Но когда я занес над ним свой меч, что-то остановило меня. Будто из недр прошедших веков услышал я голос своих предков, среди которых все были достойнейшими людьми, осуждавшими убийство безоружного. Вспомнил я и момент, когда он, будучи в похожей ситуации, не убил меня, вызвав этим немилость короля. Он ничего не побоялся тогда, и вот смотрю я на него сейчас, и он все так же ничего не боится. Смотрит он сначала на короля, и нет в этом взгляде мольбы о пощаде. Затем он переводит взгляд на меня, и я вижу даже какое-то одобрение с его стороны. Что это значит? Он хочет смерти? Но почему?

– Убей его! – прорычал король, и через мгновение я снес Сильвио голову...

Вскоре после этого наступил рассвет, который рассеял, как это всегда бывало, тьму в буйной голове монарха. Странной была та ночь, вне всякого сомнения. Но запомнилась она вовсе не странностью, а тем, что стала наименее кровавой за всю историю правления нашего бессмертного правителя.

IV

На следующий день король решил навестить меня. По правде говоря, когда мне сообщили об этом, я не был даже в силах испугаться. Прошлая ночь лишила меня всяких сил. И я, еще не увидев его, уже ждал его ухода, и мне было безразлично, как закончится наша встреча. Когда он вошел, взгляд его мне показался отличным от того, что можно было наблюдать в дни, следовавшие за кровавыми ночами. Обычно он безутешно обливался слезами, сейчас же был спокоен. Но в каждом его слове легко читалось лицемерие.

-- И цинизм! – негодовало во мне оскорбленное чувство собственного достоинства. – Ведь на моем месте и собеседник много глупее легко угадал бы, что даже паузы между словами этого мучителя пропитаны ханжеством (а паузы нередко значимее слов). Не может же мучитель не понимать этого! Или он дразнит меня в полной уверенности, что я не найду способ отплатить ему (а кто может быть в этом уверен? Кто?!). Или ... и он не властен над собой, и его направляет незримая злая сила?

Он сказал, что навестил меня, так как понимает, как Сильвио был мне близок. Что ему небезразлично мое душевное состояние, и оттого душа его скорбит.

Слова его оскорбляли память о моем друге. Да, Сильвио был мне другом. По крайней мере, до вчерашней ночи, когда он по необъяснимой причине едва не погубил ту, которую мы оба боготворили. И теперь, когда его уже нет, вчерашний мой гнев перетек в безмерное сочувствие к этому загадочному человеку. Он был в наших краях единственным живым упреком власти. Говорил бесстрашно, прямо и просто. И вот – нет его. И ничего нет. Погас в очаге огонь. И погасил его я сам. Тут я снова вслушался в речь короля.

– Ты выбрал короля, а не его врагов. За это корона щедро вознаградит тебя, – говорил король, умиляясь собственной благородности.

Тут он долгим взглядом посмотрел в окно. Видимо, полагая, что вид человека, сидящего у окна и задумчиво глядящего вдаль – в зримое одному

ему будущее, придает ему величественный вид. Но как по мне, так у окна сидел жалкий душевнобольной, упивающийся жестокостью и властью. Но что его таким сделало? Отчего он *заболел*? Ведь и отец, и брат его, и вообще весь их королевский род были вполне благородными правителями, если верить историкам.

Король, словно услышав мои размышления, прервал паузу:

– Этот карлик не был моим братом. Ты не представляешь, как я этого боялся. Я очень опасался, что преисподняя будет бесконечно возвращать мне душу моего братца после каждой его смерти в еще более страшном обличье. Но это оказался не он. Я убедился в этом вчера, когда посмотрел в его глаза перед смертью. Этот уродец не боялся умереть, а мой брат боялся этого больше всего на свете. Уж я знаю... Я ведь часто думаю о брате после того, как смерть забрала его. Знаю, многие думают, будто это я отдал его в руки темного царства. Но это неправда. Моей вины в том нет, я с горечью вспоминаю день, когда он погиб. С тех пор именно в эту дату демон зла по неизъяснимой сакральной причине берет верх над моей светлой душой (- А она у меня светлая, - добавил он, почему-то вглядываясь в меня), властно принуждая меня вытворять те бесчинства, от которых Земля дрожит от гнева: Поверь, я ничего не могу с собой поделывать. Зло непобедимо, друг мой.

В конце я слушал его столь отстраненно, что меня неотвратимо клонило ко сну. Но тут я услышал имя, которое мигом лишило меня сонливости:

– Аннабель... Да, эта Аннабель, спутница вчерашнего покойника... Она напоминает мне невесту моего брата. Напоминает так сильно, как может напоминать портрет искусного художника оригинал. То была сущая ведьма, я-то знаю. Я уверен, что именно она была повинна в гибели моего бедного брата. Доказать я тогда этого не мог, но мне того и не было нужно. Я – власть. И подозрение стоит мне доказательства! Поэтому я приказал переломать ей кости, а затем похоронить заживо. До сих пор помню ее крики, они снятся мне по ночам... И нет сна мне милее.

Я ненавижу короля всей душой и ждал, чем закончится его рассказ. Он продолжал:

– И вот вчера эта Аннабель, так похожая на ту ведьму, тоже, судя по всему, свела с ума своего возлюбленного. Я восстановлю справедливость. Пусть пока поживет, но в следующую заветную ночь она без сомнений падет моей первой жертвой, и пытка, которую я устрою этой колдунье, войдет в историю, уж попомни мое слово, друг... Демон зла вновь проснется. Но это через три месяца. А сегодня... сегодня я буду спать, как убитый.

– Как? – невольно вздрогнул я от неожиданности. -- Уже через три месяца?!

Король, не поворачивая голову в мою сторону, направился к выходу, небрежно бросив:

– Вчера я понял, что почва этого города столь черства, что кровавый дождь должен орошать ее чаще, чем раз в году. Думаю, по разу за сезон будет в самый раз. А там посмотрим.

Я знал, что нет смысла хоть как-то пытаться его переубедить и решил отвечать ему молчанием. В какой-то момент я даже не хотел, чтобы он уходил, потому что понимал, что после его ухода одеяло отчаяния и безысходности укроет меня с головой. Но дверь захлопнулась. Дьявол покинул мой дом, оставив в нем злобное эхо своих слов.

Что же делать? Как спасти ее? Как предупредить? Ведь она не хотела меня видеть после того, как узнала, что я совершил вчера. А если бы и согласилась встретиться, чем бы я мог ей помочь? Убежать из этих мест было невозможно, король все предусмотрел. И не было даже надежды на спасение. И я, будучи не в силах терпеть все то, что на меня навалилось со вчерашней ночи, решил укрыться в туманной реальности сна, чтобы хоть как-то отсрочить момент полного отчаяния, в которое я обязательно впаду от осознания абсолютной безысходности. Еще несколько часов сна временного перед сном вечным...

V

Я проспал весь день. Когда я проснулся, на улице уже была глубокая ночь. Луна светила ярко и уютно освещала двор под моим балконом. Было что-то утешительное в магическом свечении яркого шара, участливо

наблюдающего за моим несчастьем. Впервые со мной произошло подобное: никогда еще не позволял я себе так бесцельно провести день. Я всегда черпал силы в живительных лучах солнца, и не было дня, который бы я не потратил на собственное усовершенствование. Я знал, что особенно упорно следует работать над собой в дни трудные, когда, казалось бы, не до этого. Именно тогда душа и тело более всего нуждаются в действии.

Я явственно осознавал необходимость что-то предпринять, но никак не мог придумать – что именно? Проблемы, представляющиеся нашему сознанию неразрешимыми, решаются, скорее, действиями сугубо физического свойства. Много позднее я понял, что поиск выхода из «безвыходных» ситуаций – дело вовсе не ума и воли, что это – вопрос практических попыток и упорства. Но тогда тревога, взяв небольшую передышку во сне, потихоньку заливала в пространстве пустоту, которую занимал я. Заливала, как полый сосуд.

Внезапно взгляд мой упал на письмо, лежащее на столе. Я зажег свечу, и дуновение надежды на спасительный выход мимолетно коснулось души. Я взял письмо в руки, но долго не решался вскрыть. Очевидно, слуга принес его, когда я спал. Что сокрыто в этом письме? И почему я уверен, что в нем кроется нечто важное? Только ли потому, что на нем нет обратного адреса? Или мы слышим шелест шагов незримо наступающей нас судьбы?

Вскрываю конверт и узнаю знакомый каллиграфический почерк.

ЧИТАЮЩИЙ СIE ПИСЬМО ПУСТЬ БУДЕТ ТЕМ, КОМУ ОНО НАПИСАНО. И ЕСЛИ ЭТО ТАК, ТО Я ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, МОЙ ДОРОГОЙ БРАТ, ВСЕМ СВОИМ КОГДА-ТО ПЛАМЕННЫМ СЕРДЦЕМ, КОТОРОЕ, КОЛЬ СКОРО ТЫ ЧИТАЕШЬ ЭТО ПИСЬМО, УЖЕ, УВЫ, НЕ БЬЕТСЯ. ТЫ ЗНАЕШЬ МЕНЯ ПОД ИМЕНЕМ СИЛЬВИО, НО Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ ЗАПОМНИЛ МЕНЯ ПОД ИМЕНАМИ УПОРСТВО, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НАДЕЖДА. ВЫБИРАЙ, КАКОЕ ИЗ НИХ БОЛЬШЕ ВСЕГО ТЕБЕ МИЛЕЙ.

СЯДЬ ПОУДОБНЕЕ, МОЙ ДОБЛЕСТНЫЙ БРАТ, И ПРОЧТИ ВНИМАТЕЛЬНО ТО, ЧТО Я НАПИШУ ТЕБЕ. ИБО ХОЧУ, ЧТОБ СУТЬ ВРЕЗАЛАСЬ В ПАМЯТЬ ТВОЮ И БЫЛА ПЕРЕДАНА ПОКОЛЕНИЯМ! НО СНАЧАЛА -- О ТОЙ, ОТ КОТОРОЙ ЗАВИСИТ МОЕ СОБСТВЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ... НАДЕЮСЬ, МОЙ ДЕРЗКИЙ ПЛАН СРАБОТАЛ, И ТА, КОГО Я ЛЮБЛЮ, ЕЩЕ

ДЫШИТ ЭТИМ ВОЗДУХОМ, КОТОРЫЙ ВСКОРЕ БУДЕТ ОЧИЩЕН НАВСЕГДА ОТ СМРАДА
МОНАРХА-ИЗВЕРГА! И ЕСЛИ ЭТО ТАК, ТО ПОПРОСИ У НЕЕ ПРОЩЕНИЯ ЗА ТО ЗЛО, КОТОРОЕ
Я ПРИЧИНИЛ ЕЙ В ТУ НОЧЬ. НО, КАК БЫ БЕЗУМНО НИ ПРОЗВУЧАЛИ МОИ СЛОВА, СДЕЛАЛ Я
ЭТО РАДИ НЕЕ. Я ПРИТВОРИЛСЯ В ТУ НОЧЬ УМАЛИШЕННЫМ РЕВНИВЦЕМ И НАПАЛ НА
НЕЕ, ЗНАЯ, ЧТО ТЫ СПАСЕШЬ ЕЕ. ЗАНЕСЯ СВОЙ КИНЖАЛ НАД АННАБЕЛЬ, Я ЗНАЛ, ЧТО ТЫ
ОСТАНОВИШЬ МЕНЯ, ПОТОМУ ЧТО НИЧТО ТАК НЕ СКОРО В ПРОЯВЛЕНИИ ДЕЙСТВИЙ, КАК
НАСТОЯЩАЯ РЫЦАРСКАЯ ЛЮБОВЬ. СТРАННО, Я ГОВОРЮ ОБ ЭТОМ В ПРОШЕДШЕМ
ВРЕМЕНИ, ХОТЯ ЭТОГО ЕЩЕ НЕ ПРОИЗОШЛО, КОГДА Я ПИШУ ЭТО ПИСЬМО. ВСЕ ТОЛЬКО В
МОЕЙ ГОЛОВЕ, НО Я НЕ ВИЖУ ПРИЧИН, ПО КОТОРЫМ ВСЕ НЕ ПРОИЗОЙДЕТ ИМЕННО ТАК,
КАК Я ЗАПЛАНИРОВАЛ.

Я НЕ ОПОВЕСТИЛ СВОЮ ЛЮБОВЬ, НЕВОЛЬНУЮ АКТРИСУ СВОЕГО СПЕКТАКЛЯ, О
ТОМ, ЧТО НАПАДУ НА НЕЕ, ПОТОМУ ЧТО МНЕ НУЖНО, ЧТОБЫ СТРАХ ЕЕ БЫЛ
НЕПОДДЕЛЬНЫМ. МНЕ НУЖНО, ЧТОБЫ МОЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ БЫЛА ПО-НАСТОЯЩЕМУ
ПОТЯСАНА ДЕЙСТВОМ. ИНАЧЕ НАШ ДЬЯВОЛЬСКИ ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ КОРОЛЬ
НЕПРЕМЕННО ЗАМЕТИТ ИГРУ. ПО ТОЙ ЖЕ ПРИЧИНЕ, ЧТОБЫ ПРИДАТЬ БОЛЬШЕ
ЕСТЕСТВЕННОСТИ ПРОИЗОШЕДШЕМУ, Я НЕ ПРЕДУПРЕДИЛ И ТЕБЯ О СВОЕМ ПЛАНЕ. ИБО
НЕОБХОДИМО, ЧТОБЫ В РОКОВОЙ МОМЕНТ МОЕГО НАПАДЕНИЯ ТЫ БЫЛ ОБУЯН ГНЕВОМ
СТОЛЬ ЖЕ ИСКРЕННИМ, КАК ОНА — УЖАСОМ. СМЫСЛ СЕГО МОЕГО ДЕЙСТВИЯ -- УБЕДИТЬ
КОРОЛЯ В ТОМ, ЧТО Я ВАМ В ТУ МИНУТУ ВРАГ, А ВЫ — МНЕ. Я СКАЗАЛ: -- НЕОБХОДИМО.
ДОБАВЛЮ: -- И ДОСТАТОЧНО. ИБО ЕМУ НЕ ДОСТАВИТ РАДОСТИ КАЗНИТЬ ВАС, МОИХ
МНИМЫХ ВРАГОВ. И ТЕМ САМЫМ ВАША НЕНАВИСТЬ КО МНЕ, ИСКУСНО ПРОБУЖДЕННАЯ
МНОЮ, ПОСЛУЖИТ ВАМ В ТУ НОЧЬ СПАСЕНИЕМ.

УДИВЛЕН, БРАТ? ЧИТАЕШЬ ЭТИ СЛОВА И ПОРАЖАЕШЬСЯ ТОМУ, КАК ВСЕ
ПРОИЗОШЛО ИМЕННО ТАК, КАК Я ПРЕДСКАЗЫВАЛ? НО НЕТ НИЧЕГО СТРАННОГО В ТОЧНО
ПРЕДСКАЗАННОМ БУДУЩЕМ, ЕСЛИ ЕГО ТЩАТЕЛЬНО СПЛАНИРОВАТЬ. ДАЛЬШЕ ТЕБЯ ЖДЕТ
НАСТОЯЩЕЕ УДИВЛЕНИЕ, ПОЭТОМУ ЧИТАЙ ВНИМАТЕЛЬНЕЕ. КОРОЛЯ ЖЕ ВПРЕДЬ НЕ
БОЙСЯ, ИБО СЕГОДНЯ ТЫ УЗНАЕШЬ, ЧТО ОН-ТАКИ НЕ ВЕЧЕН. МАЛО ТОГО: ОН НЕ ТОЛЬКО
СМЕРТЕН, НО ВНЕЗАПНО СМЕРТЕН (ПО МЕТКОМУ ВЫРАЖЕНИЮ ИЗ ОДНОГО, ПОКА НЕ
НАПИСАННОГО — И ВОТ УЖ ПОИСТИНЕ БЕССМЕРТНОГО — РОМАНА).

ОН БУДЕТ МЕРТВ, ДУША ЕГО ОБРЕЧЕНА,
ЕЕ ЖДЕТ АД, И С ПЛАМЕНЕМ ОНА ОБРУЧЕНА!
ОН БУДЕТ ПОЗАБЫТ, ЕЩЕ НЕ СТАНЕШЬ ТЫ СЕДЫМ.
ОН БУДЕТ В ЗЕМЛЮ ГРЯЗНУЮ ЗАРЫТ И ДАСТ ДОРОГУ МОЛОДЫМ!

Ты думаешь, я спятил? Потерпи еще немного, и время тебя переубедит. Ибо сейчас же, в этом самом письме, ты получишь от меня сведения, которые будут неопровержимыми доказательствами и вышесказанных слов, и того, что добро всегда побеждает зло, если только должным образом подготовиться! Как тебе известно, король долгое время полагал, что тело мое — дьявольский сосуд, в котором обитает душа его покойного брата. Известно тебе и то, что король не решался разбить сей сосуд, опасаясь получить взамен исчадие еще злое, от одного вида которого кровь стынет в жилах. Что ж, -- подумал я, -- не подобает нам переубеждать королей. И решил потратить все силы на то, чтобы воплотить его страхи в реальность...

*Чем смелость лучше страха, спросят.
Но прежде спрошу я, почему
Безумство храбрых веками превозносят,
Не воспевая оды их уму?!*

Всё не понимаешь, о чем я толкую, и убежден, что я помешался? погоди, не спеши клеветать на покойника, дай ему высказаться напоследок. Дай захлопнуть дверь и кое-что оставить тебе перед уходом. Так вот, решил я направить безумие короля ... против него самого. Решил убедить мучителя в достоверности его страхов. А для претворения в жизнь своего плана стал я бродить по трактирам, по самым злачным и кошмарным местам нашего города, чтобы найти главное действующее лицо моей мести. Это должен был быть человек страшный и уродливый. Да такой, который будет не в пример ужаснее меня! Знаешь мою внешность ты хорошо, теперь измерь трудность моей задачи.

Одновременно с этим я засел за архивные бумаги, начал изучать все, что только возможно, о детстве нашего правителя. Решил, что стану расспрашивать всех его служащих, достану из-под земли всех, кто был приближенным королю и его покойному брату; буду искать и досконально изучать истории из их жизни, о которых мало кто знает, и прочее, и прочее. Как этот поиск знаний и поиск уродца из трактиров связаны между собой? Читай дальше!

Ты представить себе не можешь, какие мрачные места я посещал в поисках искомого страшили. Мне нужен был сущий демон. Отвращение, которое я испытывал при поиске этого кошмара в человеческом обличье, может сравниться только с неопишуемым восторгом в тот момент, когда я его все же нашел. Не знаю, как описать тебе внешность того чудовища, которого мне удалось отыскать в наших тущобах. Поверь на слово — он был далек от красоты настолько, насколько Солнце отдалено от нашей Земли.

Это был двухметровый пьяница, который не мог связать и двух слов. Разум его был затуманен настолько, что даже будучи трезвым он вел себя, как полоумный. Теперь же моя задача состояла в том, чтобы научить его держаться по-королевски, одеваться подобающе и заставить его досконально изучить те мрачные, покрытые тайной истории из детства короля. Уж я-то на тот момент уже знал такие мелкие подробности, которые и сам король с трудом бы припомнил. Можешь поверить на слово, каких трудов стоило мне влить по капельке мои знания в это существо. Но вода камень точит. Помни, добро победит зло, только если оно проявит небывалое упорство! И я в этом могу быть примером. Направь бушующую реку, сносящую все на своем пути, в нужное русло, и она принесет много плодов. Каких трудов стоило это мне, известно одному Богу, и призываю Его в свидетели этому лишь для того, чтобы ты понял, что только так достигаются великие цели! Своей я достиг. Я добился поразительных результатов.

Поставь ужасное глупое чудовище, которое я вытащил из трактира, рядом с тем, в кого я его превратил, и ты скорее поверишь в то, что Ад есть Рай, нежели в то, что это один и тот же человек! Он был так же страшен, как и раньше, так оно и было нужно. Но теперь более всего он был страшен своими знаниями. Маленькие ручейки в виде рассказов давнишних слуг короля, его придворных, знакомых, ученых, бывших советников и книг слились воедино в бушующее море знаний, волны которого под моим руководством снесут бастионы короля.

Теперь ты, наверно, догадываешься, для чего я создал своего Гомункулуса? Одев его в доспехи всех этих знаний, я пошлю его в покои нашего короля. Представь же, друг мой, ужас нашего правителя, когда к нему ворвется страшное существо, которое объявит ему, что оно — это его брат, переродившийся, как король и боялся, в еще более страшном существе! И

ЧТОБЫ ДОКАЗАТЬ ПРАВОТУ СВОИХ СЛОВ, ЧУДИЩЕ РАССКАЖЕТ КОРОЛЮ НАШЕПТАННЫЕ МНОЙ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ИЗ ЕГО ОТРОЧЕСТВА. СОВОКУПНОСТЬ ЭТИХ ИСТОРИЙ БУДЕТ СТОЛЬ УБИЙСТВЕННО УБЕДИТЕЛЬНА, А МОЙ УЧЕНИК – СТОЛЬ КРАСНОРЕЧИВ И ПРИЛЕЖЕН В ОСВЕЩЕНИИ ДЕТАЛЕЙ, ЧТО КОРОЛЬ, КОТОРОМУ ЯВЛЕНЫ НЕСОМНЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ЧТО СБЫЛИСЬ ЕГО САМЫЕ СТРАШНЫЕ СНЫ, ЛИШИТСЯ (ОСТАТКОВ) РАССУДКА.

НАДЕЮСЬ, ЧТО ВСЕ ЗАДУМАННОЕ ОСУЩЕСТВИТСЯ. ДОЛЖНО ОСУЩЕСТВИТЬСЯ! ПОТОМУ ЧТО Я -- ОТЛИЧНЫЙ УЧИТЕЛЬ, А ОН, ТОТ, КОТОРОГО Я ПОСЛЕ РАСКРЫТИЯ ВСЕХ КАРТ УЖЕ НЕ СМЕЮ НАЗЫВАТЬ ЧУДОВИЩЕМ, ОКАЗАЛСЯ ПРЕКРАСНЫМ УЧЕНИКОМ. КАКОЕ ЖЕ ОН ТЕПЕРЬ ЧУДИЩЕ? СКАЖЕШЬ ЕМУ, ТАК ПОДИ ОБИДИТСЯ! ОН УЖ, КАЖЕТСЯ, САМ ТЕПЕРЬ ВЕРИТ В ТО, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ДРЕВНЕГО КОРОЛЕВСКОГО РОДА, ПОСЛАННИКОМ ТЬМЫ, ПРИЗВАННЫМ НАВОДИТЬ УЖАС И ИЗМЕНЯТЬ ХОД ИСТОРИИ. В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ, Я ЩЕДРО НАГРАДИЛ ЕГО ЗА МУКИ НАШЕГО СОВМЕСТНОГО ТРУДА, ПОЭТОМУ НАДЕЮСЬ, НЕ ПОДВЕДЕТ.

ПРИСЛУШАЙСЯ ВНИМАТЕЛЬНО, МОЙ ДРУГ. ВОЗМОЖНО, СКОРО УСЛЫШИШЬ ТЫ ТРЕВОЖНЫЙ ЗВОН КОЛОКОЛОВ, ВОЗВЕЩАЮЩИЙ О ГИБЕЛИ ТОГО ЗЛА, КОТОРОЕ ЕЩЕ НЕДАВНО СЧИТАЛИ МЫ ВЕЧНЫМ И ВСЕМОГУЩИМ. А ЧТО ПОМОГЛО ПОБОРОТЬ ЕГО? ВОЛЯ И УПОРСТВО! ОТСУТСТВИЕ СТРАХА И ПРЕДАННОСТЬ ВЕЛИКОЙ ИДЕЕ. ВСЕ В НАШИХ РУКАХ! НЕТ НЕПРЕОДОЛИМЫХ СТЕН, КРОМЕ ТЕХ, В ЧЬЕЙ НЕПРИСТУПНОСТИ МЫ СЕБЯ УБЕДИМ.

Я – ТОТ, КОГО ПРИРОДА НЕ НАГРАДИЛА НИ ВНЕШНОСТЬЮ, НИ ДОБЛЕСТНЫМ РОДОМ. Я РОДИЛСЯ В СЕМЬЕ ЧЕРТ ЗНАЕТ КОГО, И САМ ЧЕРТ, ВОЗМОЖНО, ЗНАНИЙ ЭТИХ БЫ ПОСТЫДИЛСЯ! СУДЬБА НИКОГДА МЕНЯ НЕ БАЛОВАЛА И ЕЖЕДНЕВНО ВЗВАЛИВАЛА НА МОИ ПЛЕЧИ ВСЕ НОВЫЙ ГРУЗ НЕВЗГОД. НО Я ВЫРВАЛСЯ, НИКОГДА НЕ ЖАЛОВАЛСЯ НИ НА СВОЙ РОСТ, НИ НА ДРУГИЕ ВРОЖДЕННЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ. Я РАБОТАЛ НАД ТЕМ, ЧТО ДАЛ МНЕ ГОСПОДЬ, И ПРЕВРАТИЛ ТО, ЗА ЧТО МЕНЯ МОГЛИ ВЫСМЕЯТЬ, В СВОЕ ОРУЖИЕ. И ЧТО В ИТОГЕ? Я ДОБИЛСЯ ЛЮБВИ КРАСИВОЙ И ДОСТОЙНОЙ ДЕВУШКИ. Я СВЕРГАЮ КОРОЛЯ, СПАСАЯ ОТ ЕГО БЕЗУМСТВА ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ! НАКОНЕЦ, Я СТАЛ ДРУГОМ ДОБЛЕСТНОГО РЫЦАРЯ, И Я НАДЕЮСЬ, ЧТО НАША С ТОБОЙ ДРУЖБА ПРОДЛИТСЯ И ПОСЛЕ ТОГО, КАК МЫ ВСТРЕТИМСЯ В ДОЛИНЕ, ПОЛНОЙ ПРЕКРАСНЫХ ЦВЕТОВ, ТАМ, ГДЕ ТЕКУТ МОЛОЧНЫЕ РЕКИ, И ГДЕ ВЕЧНОСТЬ БУДЕТ НЕ ПУГАЮЩЕЙ, А УМИРОТВОРЯЮЩЕЙ И ЖЕЛАННОЙ.

НО ПУСТЬ ДО НАШЕЙ ВСТРЕЧИ ПРОЙДЕТ ЕЩЕ МНОГО ДНЕЙ. А СЕЙЧАС ИДИ ЖЕ, ИЗВИНИСЬ ЗА МЕНЯ ПЕРЕД ТОЙ, КОГО МЫ ЛЮБИМ ОБА. ПУСТЬ ПРОЧТЕТ МОЕ ПИСЬМО.

Стань ей мужем, если она позволит. Если же не хватит душе ее смирения, чтобы отпустить прошлую любовь, то стань ей другом. Будь опорой ей и нашему с ней ребенку, которого она носит под своим сердцем. И пусть мой ребенок ничего не боится в этой жизни, кроме того, чтобы провести ее бесцельно!

Я не помню, сколько еще в жизни перечитывал то письмо. Помню лишь, как спустя несколько часов после его прочтения ударили в набат. Король был мертв, как и предрекалось в письме. Покончил жизнь самоубийством. Рассказывали потом, что спустя некоторое время после произошедшего возле дворца был замечен обезображенный незнакомец свирепого вида. Незнакомец был одет в черную мантию необычного кроя. Старики вспоминали потом, что именно в таком одеянии ходил в свое время покойный брат нашего монарха. Сам же король перед тем, как повеситься, оставил короткую записку: «*СПРЯЧУСЬ В АДУ, ТАМ БЕЗОПАСНЕЕ*».

С тех пор наша страна повидала много правителей, идеальных среди них не было. Но один сменял другого, случалось, что новый делал выводы из ошибок предыдущего, и государство потихоньку стало преображаться. А что бы было, живи люди вечно? Наверно, ничего хорошего. Поставленные цели откладывались бы на миллионы лет, и над всем властвовала бы ее величество Лень. Поэтому заканчиваю свой рассказ отрадной мыслью: никому не мучиться в мире вечно – ни мне, ни вам, ни бессмертным королям.